

Александр Яшин – национальное достояние России

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА

ЧАСТЬ III

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА

Александр Яшин. Дневники 1958-1968 гг.

Стихотворения.

Воспоминания современников

Часть III
«Схороните меня на Бобришном Угоре»

Никольск — Вологда
2012

Составитель — *М. В. Береснева*

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА: Александр Яшин. Дневники 1958-1968 гг. Стихотворения. Воспоминания современников. Часть 3. «Схороните меня на Бобришном Угоре». — Никольск — Вологда, 2012. — 52 с.

В дневниках 1958-1968 гг. в полный рост встаёт неприукрашенный Александр Яшин. Образ поэта дополняют стихотворения данного периода, а также воспоминания о нём современников.

ОРЁЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами.
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но среди далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

БОБРИШНЫЙ УГОР

Из дневников 1958-1968 гг.

1963 ГОД

11 января. Малеевка. Путевка с 12 января на 26 дней.

19 января. Вспоминаю, до какого отрицания поэзии дошел я, прежде чем написать книжку стихов «Совесть» и всерьез взяться за прозу. Народ страдает, а мы стишки пишем — мне это казалось очень стыдным.

Уже дней десять стоят морозы. В отдельные ночи температура доходит до 37°.

27 января. В Вологде свистопляска из-за моего очерка «Вологодская свадьба». Вчера уже пришла вырезка из «Вологодского комсомольца» — «Нет, Яшин не прав».

В. Солоухин написал рецензию на «Вологодскую свадьбу», назвал ее «Государственный вопрос» — речь идет больше об охране старины, о красоте. Послал рецензию с Натальей Павловной Бианки, та хотела устроить в «Известия».

30 января. Был в «Новом мире». Наташа Бианки решила, что я паникую, а я больше беспокоюсь о том, чтобы не сдал Твардовский.

О. Берггольц тоже будто бы написала рецензию на «Вологодскую свадьбу», но сейчас уже все поздно.

31 января. В «Комсомольской правде» появилось «Открытое письмо писателю А. Яшину — Свадьба с дегтем». Грубое извращение текста и смысла «Свадьбы», подтасовка, желание обидеть, поспорить с земляками и родственниками. Неужели придется отвечать?

1 февраля. К вечеру приехал в Малеевку. В Доме творчества встретили шумно. А сердце стало сдавать.

5 февраля. На днях Булгакова Елена Сергеевна познакомилась со мной, хорошо говорила обо мне как о правдолюбце и таланте, вспоминала мужа. «Был бы жив, как бы он вас обнял».

А сегодня 6 февраля показала выдержки из 6-го тома Гоголя о горькой судьбе писателей России, которые говорят правду о жизни.

Перешел на уколы от астмы. И сердце сдаст. Нет, но сильный я человек.

7 февраля. Приехал из Малеевки в Москву. Днем звонил Твардовский, успокаивал, договорились встретиться завтра — он позвонит. Говорил, что не на всякую реплику отвечать нужно.

8 февраля. С 4 до 8¹⁰ сидел у Твардовского на квартире. Он при мне перечитал все письма о «Вологодской свадьбе», которые поступили в «Новый мир», — я привез и часть тех, что поступили ко мне на квартиру. Я позвал его к себе на Бобришный Угор. Мы могли бы сидеть и до 12 часов ночи, если бы я все время не волновался, что в машине замерзнет вода.

Разговаривать с Твардовским все-таки трудно, приходится все время держаться настороже, никогда не знаешь, как он отреагирует на те или иные слова,— в любую минуту может поставить стену между собой и тобой. О возможном своем выступлении на встрече в Кремле он сказал так:

— Пусть никто не надеется, что линия «Нового мира» изменится. Это линия не «Нового мира», а линия ЦК. В литературе произошло уже что-то такое, что никому не удастся остановить, зажать, изменить...

9 февраля. Переехал в Переделкино — Дом творчества Здесь Паустовский, Борщаговский, Мальцев, Воронов, Ходит Нилин. «Вологодскую свадьбу» особенно сильно хвалил Нилин при первой же встрече.

4 марта. Получаю много писем относительно «Вологодской свадьбы». — «Здравствуйте, Саша, Злата, Наташа, Златочка, Сашенька и Мишенька. Саша, деньги бабушка получила. Послали посылку, опишите, когда получите. Саша, бабушка просит еще описать, что такое делается. Здесь все собирают насчет свадьбы. Ездят в Сколково и в Теребаево. Выезжали с Вологды и с Москвы. Здесь идут такие слухи... но я сам не видал. В Никольске собирали в клубе всех людей и обсуждали эту свадьбу. В Никольске говорят, что это неверно, а колхозники подтверждают, что это все действительно и так ведется в Вологодской области. Бабушка просит обязательно описать. Она очень беспокоится.

Горчаков».

Снова побывал у Твардовского. Снова был долгий разговор. Он прочитал коллективное письмо 57 колхозников из Блуднова (чудо! — я этого от них не мог ожидать), и вологодские газеты, привезенные Васей Беловым. Сказал:

«Ручаюсь, что «Вологодская свадьба» еще будет обсуждаться на комитете по Ленинским премиям. Премию, может быть, и не дадут, но сколько посыплется писем в комитет! Бывает, что идут письма протеста и некоторые книги сразу снимают с обсуждения. Тут будет наоборот».

«Новый мир» дает подборку писем читателей в 3-м номере — как ответ на выступление «Комсомольской правды» и «Известий».

Рифмы... Тогда уж лучше писать без рифм.

В солнечный морозный день от деревьев легла тень поперек бело-снежной тропинки, словно палисадник на нее обвалился, и тропинка стала мостиком.

Простые слова: «Отдохни, пожалуйста!», «Давай посоветуемся!», «Надень варежки», — вдруг становятся лаской.

На лето поехать в Тарусу к Паустовскому.

В. Панова просила передать мне, что она восхищена «Вологодской свадьбой», что это не просто художественное произведение, а «хрустальная ваза, которую поворачиваешь, и открываются все новые и новые грани, что это само искусство». А письмо писать она не стала, потому что никогда не пишет писем — они отнимают силы и время от писания.

19 апреля. Задумал повесть «Веселые люди», которая может оказаться очень сильной, если бы набрать достаточно материала и хватило бы выдержки.

26 апреля. Воде закрыли путь, и она, смурная, начала все крушить.

12 мая. Несколько дней тревожное настроение, какой-то страх в душе и сны дурные, с предчувствием недобра. Все, видимо, потому, что не работается.

По радио услышал, что в «Правде» опубликовано интервью А.Твардовского по вопросам литературы, данное им корреспонденту «Юнайтед Пресс Интернэшнл» в Москве г. Шапиро. Позвонил Наташе. Она нашла газету и прочитала мне.

Первое впечатление только хорошее, только радостное. Удивительно, какой хороший ход нашел Твардовский не ответил ни на одну из внутренних нападок, но в интервью иностранному корреспонденту постоял все-таки за свое.

14 июня. Съездил в «Правду» к Сатюкову. Предложил Сатюкову свое сотрудничество в «Правде»:

— Я пришел не в связи с экстренным сообщением (о полете «Восток-5»). Хочу вернуться к годам, когда я сотрудничал в «Правде».

— Было такое!

— Да, было, хотя очень давно. У меня есть маршрут летний, и я пришел предложить вам дать мне командировку. Хочу быть полезным.

— Какой маршрут?

— В. Устюг — Котлас — Архангельск.

— Хорошо. Только не пишите больше «Свадьбу».

— Если и напишу, то уже Архангельскую, а не Вологодскую...

В общем Сатюков был доволен моим предложением, командировку дает, в понедельник я ему должен позвонить и оформиться.

19 июня. Радости люди переживают вместе, горе — в одиночку.

Днем сообщение о благополучном приземлении обоих космонавтов — Быковского и Терешковой. Слава богу, все хорошо! Очень рад я этому.

25 июня. Выехали в 8-50 вечера в Шарью — З. К., Миша и я.

26 июня. Шарья. Долго сидели на аэродроме. Сразу не смогли до него добраться: такси в Шарье куда-то с утра исчезают. Я ходил в аэропорт пешком, записался на очередь, вернулся на вокзал с грузовиком, а З. К. и Миша за это время уехали уже на грузовике. Авиация есть, а людей все-таки мордуют.

В Никольск послал записку с пилотом, чтоб сообщили Чекалову и Трапезникову, что буду со следующим самолетом и что хорошо бы сразу добраться до Блуднова. Как потом узнал, Чекалову и Трапезникову передали записку мою прямо на аэродроме (Чекалов улетал в Вологду), но они никак не отреагировали.

Никольск. Начальник аэропорта Медведев позвонил Трапезникову, и я взял трубку: «Яшин говорит».

— С приездом. Как ваше настроение?

— Мое — хорошее. «Правда» свое слово сказала. Читали? Меня интересует, как ваше настроение? Встретимся?

— Я уезжаю завтра (?) в отпуск.

— Тогда встретимся после вашего отпуска. Есть у вас возможность доставить меня в Блудново?

Есть. Машина будет. — Хорошо. Я жду.

Скоро пришла машина поликлиники — «скорая помощь». Фургон на базе ГАЗ-69. Шофер из Липова, Николай Михайлович, тот, что привозил ко мне на Бобришный Угор врача Лидию Петровну.

Интересно! После всего, что тут делали с моей «Вологодской свадьбой», — подать мне «скорую помощь». Случайно? Много рассказов о том, как прорабатывалась повсюду «Вологодская свадьба», — надо бы все записать.

Первая ночевка в Блуднове — на повети, на сене. Мише все в диковинку. Вечером, почти сразу после приезда, сходили на Бобришный Угор, но ключа не было и попасть в дом мы не смогли.

Другая ночь (с 27 на 28 июня) — в своем доме без печи. Выкупались. Я — дважды. Днем наловил рыбы на уху. Васютка на тракторе привез матрасы и другие вещи.

Часов в 12 ночи приехал на лошади Пашка Андрюхин (он будто бы парторг на Козицком заводе в Ленинграде). «Сопровождали» его Михаил Иванович Горчаков (Миша Баринов, мой двоюродный брат, его жена — племянница Павла Андреевича) и Вениамин Михайлович — племянник Павла Андреевича Горчакова (Пашки Андрюхина).

Павел Андреевич был пьян и приехал явно затем, чтоб показать себя, похорохориться: писателей сейчас бьют и воспитывают. Много хамил, приставал к жене, разбудив ее. Разбудил даже Мишу. Заставил меня подняться, требовал того же от жены. Потом они пили водку. Я отказался, но пришлось ухаживать за ними.

«Сколько стоил твой дом? Мне мой обошелся в 18 тысяч». — Даже матершинничать начал.

Совершенно ясно, что, если бы не «критика» «Вологодской свадьбы», — и он бы не хамил, и эти двое блудновских мужиков не посмели бы его, пьяного, привезти ко мне ночью.

28-30 июня. После отъезда «гостей» заснуть не смог, промучился всю ночь и 28-го заболел. Возможно — нервное. И купанье сказалось.

1 июля. Приехали Воронин Николай Михайлович и Сорокин Павел Евгеньевич с дочкой Надей. Я очень рад был этим друзьям.

Результаты «Вологодской свадьбы»: строят клуб в Блуднове. Построили и открыли в Липове. На открытие меня не позвали, хотя там была вологодская эстрада и колхозников увезли на грузовике. Строится во Дворище, еще где-то.

Александра рассказывает, как при ней в Сочковке к Анне приехали два каких-то журналиста:

«Один все ходит (будто бы Никольский), все вышагивает да выспрашивает. Мы перепугались, у меня руки, ноги дрожат. Думали, что тебя уже посадили там в Москве. Спрашивают:

— У вас дома хорошие, почему говорите, что плохо живете?

— Почему сын ушел от матери — одна живет? (Тоне).

Тоня, жена Васютки Ильича, не испугалась, отщелкивалась:

— Мы плохо работаем, а она шибко — вот и разошлись. Все правда, что написано в «Вологодской свадьбе».

Про меня спросили, кто я. Сказала, что сестра Яшина.

— Посылает ли матери деньги?

— Каждый месяц посылает.

В Сочковке были моя мать, Санька (пришли в гости) и Тоня. Анна была в Теребаеве, а сын Васютка лежал в больнице.

Особенно хамовито вел себя газетчик из Никольска. Узнать бы, что это за человек? Для сценария «Сирота»:

Нюрка не хочет быть в бригаде коммунистического труда, потому что влюблена, значит, у нее нет морально-бытовой стойкости.

Заедают комары. Я очень болен. В избе в срубе опечка раскладываем почти костер, жжем можжевельник, но помогает ненадолго. Мази и жидкость от комаров не помогают. Коровы бегут от них, как настиганные.

Из Никольска привезли инкубаторных цыплят. Их называют детдомовскими (бездомными, сиротскими). Курица, имевшая только трех своих цыплят, не сразу приняла детдомовских, била их клювом. Мать и Санька били и ругали курицу:

— Я тебе дам! Ишь ты! Клюнь, клюнь еще раз — я тебе клюну!

Курицу посадили с цыплятами в ящик и прикрыли зимней рамой от избы. Через сутки она «приняла» всех. Но детдомовцы долго сами не могли понять, что надо залезать под курицу греться. А может, и курица детдомовская, поэтому ничего не понимает.

Задумана детская книжка: «На родине у папы». Городской Миша приезжает впервые в деревню, в колхоз. Все для него ново, интересно.

1. Впервые верхом на лошади, как на двухэтажном троллейбусе. Жутко. Упал. Но сел снова. Описать лошадь. До чего широка спина.

— А почему она прикладывает уши?

2. Трактор сравнивает с автомашиной. Вести легче — скорости переключать не надо. У гусеничного и тормозов нет.

3. Много «почему». — Почему продавец днем уходит из магазина. — Почему говорят, будто в колхозе плохо? Очень хорошо, по-моему!

4. Ловля рыбы на миногу. Старые русла рек — озера. Караси. Сорожки. Хариус на быстрине — переборе. Езда на резиновой лодке. Зук — глиссерок (чирок).

5. Особый рассказ о языке деревни, о словаре, о бабушкиных сказках: те же, что он знал из книг, и неузнаваемы.

6. «Детдомовские» цыплята. Как вылупляются цыплята. А если к петуху посадить цыплят.

7. О комарах.

2 июля. Во вторник сбежали с Бобришного Угора. Ехали на лодке с З. К. до Переволоки. Ходили в баню.

В деревне банный день — праздничный день. Топит баню бабушка, молодича носит воду. Идут в баню по очереди. Первым предлагают как почет оказывают. Но только бы не угорели. Самовар «залит водой, наготове. Полы вымыты, половики постланы. Всем приготовлено свежее чистое белье (зимой — с морозу). Половики красные. Любят в народе красненькое: красные занавески и половики, красные яички к пасхе, солнышко называли красным, угол сутный красным, денежку — красненькой...

5 июля. Сегодня ночевали в мезонине большой избы, где раньше я сидел с горшком для окурков, писал стихи. Днем оборудовали чердак для жизни. Васютка сделал полки для книг и скамейки (вдоль трех стен, в одной половине) для чемоданов. На них же можно настлать доски и устроить кровать. Сегодня целый день непрерывно идет дождь. Холодно. Погоды все нет и нет.

Как выписывают газеты. Васютка ежегодно получает газету «Красный Север», но не читает ее.

— Зачем выписываешь?

— Председатель подписывает всех, не спрашивая, деньги вычитет, и все.

7 июля. Сочковце. Утром прошли со Златой к гумну. В нем постлан пол, а рядом ржавеет, разрушается заброшенная техника: прицепной комбайн (почти новый разобран и брошен), несколько сеялок, части сортировки, в поле плуг и прочее. Одно дело сделают, другое заброшено. Гниют риги (овины). А рядом работающая пилорама. То, что русская деревня гибнет, — ясно. Неясно только, будет ли это оправдано историей и каким образом.

Вчера в Сочковце были председатель колхоза Воронин и гл. бухгалтер Сорокин. Выдавали деньги (70%) за май. Анне Григорьевне причиталось 5 р. (выписано 7 р. 33 коп.). Другие получают еще меньше. Лишь тракторист 75 р. В общем — почти бесплатный труд, так низки расценки. Я сказал: — Анне Григорьевне дали 5 р. за месяц!!! — Воронин немедленно поддел ее, чтоб не смела пикнуть: — Ничего, она на десятку еще сена накосит... (где-то видел, что она несла охапку травы, накошенной на колхозной земле).

Решил списать трудовую книжку Поникаровой Анны Григорьевны — она одна из лучших тружениц: «Колхозно-учетная форма №58». МАЙ:

Разгреб навоза 8 т.	0,72
Разгреб навоза 9 т.	0,81
Рассев удобрения 1,5 га	0,47,
Разгреб навоза 9,5 т.	0,86
Ручной сев, 2 га., разгреб навоза 4 т.	0,86
Подкормка озимых 2,7 га.	0,66
Затаривание зерна 6 т. (нагребали в мешок) 0,78	
Затаривание зерна 2,5 т.	0,32
Ручной сев смеси 2,5 га. (овес сгорохом)	0,62
Затаривание картофеля 2 т. и резка 3 ц.	0,40
Посадка картофеля 14 соток	0,45

7 р. 33 к.

Гроза. Нагрянула, загрохотала,

Гроза бедой на все лады,
В ней шум лесов, и звон металла,
И грохот скал, и плеск воды.

Перед грозой тревожно, после грозы — ясность, покой и свет. Скорей бы грянула гроза.

9 июля. Бобришный Угор. Заканчивали кладку печи. Я ловил рыбу неудачно. Печь хороша. Приезжали два рыбака: учителя Пшеничников Александр Платонович и Борис Васильевич (блудновский «живописец»).

Пришло письмо от зав. библиотекой Шиловского, зовет в библиотеку, предлагает устроить «встречу с читателями», что это «поможет отделить все наносное, несущественное от основного во всей истории с

«Вологодской свадьбой». Это, дескать, «выгодно» для меня лично. Я же не создавал никакой «истории» с «Вологодской свадьбой».

10 июля. Сегодня утром написал письмо Федору Абрамову (в ответ на его письмо сюда), выговорился полностью, и в свою книжку уже ничего не хочется записывать. Абрамов с Коничевым собираются в августе бродить по Вологодчине и побывать у меня.

«Дом строится». К выбору места. А почему бы мне не обосноваться, скажем, в Белозерье или на Кубенском озере? Ведь там и рыбы и дичи... и дороги лучше. Нет, черт возьми, я здесь родился. Я как птица — лечу на свои болота из южных краев.

11 июля. В 5 часов выехали в Обуховский починок. В Осинове. Большой обшитый и раскрашенный дом зам. председателя. Масса рамок с фотографиями, занавески, вышитые полотенца-платы на зеркале, на фотографиях, на иконах (в двух углах). Цветы на передней лавке. Хорошие стулья, 2 швейные машинки, платяной шкаф, половики, кровати (2-3).

Едем по лежневке. Лежневая дорога лесопункта от катиц на Юге к Обуховскому починку. Раньше бежали с лесозаготовок, теперь из колхозов в лес. Условия жизни! Столовая в лесу. Суп 18 к. Рыба 15 к.

В этих местах раньше топор не бывал. Лишь на весь год лыка драли, жгли новины.

Поразило молчание, с каким упал подстреленный глухарь. Молчание обреченности.

Обуховский починок. Из 22-х домов стоит 8, живых только два. В полях растет березничок. Два дома жилых. Охотник и лесник. Ближайшая деревня Овинницы. Там из 34 домов осталось 6.

В 18-50 вышли на охоту вчетвером. Три собаки. Бобик прибежал, без Найды он не живет нигде. Собака Ветка просится на охоту почти человеческим голосом. Убили зайца.

Главное на охоте — юмор. Гадание с ученым видом знатоков — на кого лают собаки: лось, медведь или рябчик.

Бареточки — 54 клеточки. Это лапти.

12 июля. Сделали туес. В 11 часов дня вышли другой дорогой к дому. На реке Кипшеньге сенокос. 10 баб, 1 старик, 1 парнишка. Я косил. Травы на старых вырубках по горло: пырей, лисохвост, кипрей (иван-чай), лабазник. Серпом бы! Нельзя! Билет в лесничестве и с разрешения исполкома. А в стране скота мало.

Муравейники — этикие лесные Дворцы Советов, высотные дома, пирамида Хеопса.

Сорокин в лесу то и дело: — Лось прошел! — Медведь скитался! — А вот глухари сосну объели (зимой). Повадятся на одну и все ветки оциплют.

13 июля. Утром приехал в Блудново. День отдыхал.

14 июля. Поездка в Городцы. Снимал на кинолентку. Две машины и верхом ребяташки — копны возить.

— Осторожно едете.

— Дорога трясовита, а люди пожилые, надо на сенокос живыми привезти.

Дневной заработок на обед ушел.

Испугались на сеногребе: гром гремит, а это реактивный самолет пролетел за облаками.

16 июля. Снова в Городцы, теперь с Мишей. В час дня отправились с Мишей на резиновой парашютной лодке вниз по Югу. Река крутится, солнце то спереди, то сзади, то справа, то слева. Путешествие вокруг солнца. (Это название главки.)

Ласточки береговые.

Выживают самые безропотные. Все другие — города берут, в города бегут.

Большой стог сена на лугу — уже покой.

Рассказ. Поездка в Блудново на «Победу» после присуждения премии и пирушки в Вологде. Самодовольство, тщеславие, а там — голод. (В газетах — дальнейший подъем сельского хозяйства, рост благосостояния...) «Так вот какие бывают дела и отчего переменяется и направляется вся жизнь человека». Л. Толстой: «После бала».

Живем то в Блуднове, где я оборудовал на чердаке нечто вроде кабинета, то на Бобришном Угоре. Не пишу. Только ловлю рыбу и болтаюсь по реке. Пока не было печи, жгли вереск прямо в избе, в срубе подпечка — от комаров. Не помогло. Жжем щепки, оставшиеся на стройке, воюем с муравьями, выжигаем два ближайших к дому двorca, но муравьи не хотят уходить, не сдаются, все начинают сначала.

К стихам «Босиком по земле». Я босиком ходил только в детстве. А мои сверстники до сих пор любят и ходят с весны до осени, и ноги у них целы, только задубели, закалились, отвердели. Я же свои ноги истерзал, изрезал, были гвозди в моих ботинках, и я завидую друзьям, ходившим босиком всю жизнь.

Для любви необходимо восхищение, способность восторгаться. Но не чуждо ей и желание, чтоб восторженное отношение было взаимным.

Дождь идет, дождь идет. Но летят самолеты. Дождь идет.

Очень плохо сплю, даже снотворное не действует. Все потому, что не пишу ничего.

31 июля. Я пешком — в Никольск. Дошел до Кожаева, затем на попутном грузовике. Какая-то женщина из РК (парткома) — зав. отделом кадров — не подала мне руки, все из-за «Вологодской свадьбы». Пони-

маю, что она дура, а все же закипел. Другая — жена Трапезникова — на улице: «Вы уж лучше ничего о нас не пишите!» При этом были Борис Тропин с отцом, З. К. с Мишей, учитель — пенсионер, живущий в том доме, в котором жил Зелянин (Зелянин умер от инфаркта в Великом Устюге). Совсем разволновался.

5 августа. Сделал кровать на Бобришном Угоре. Появились красные (оранжевые) листочки на вязе — первая осенняя веточка...

4 августа. Устроили выходной день по всему колхозу, а стояла сушь, сеногреб. 5-го же пошел дождь, ливень. Сколько же сена испортили из-за самодурства и глупости одного Берсенева.

11 августа. На Бобришном Угоре я сделал под окнами новый стол, используя дно ящика из-под глины. На самодельном столе в избе сервировка: вместе с посудой и деревянными кружками-подставками под блюда лежат топор, клещи...

В начале августа мы ходили за черникой к Югскому лесопункту. Прошли по Дуниловской дороге до противопожарной просеки, по ней — влево, но там ничего, кроме медвежьих набродов, не оказалось. Масса ягодников из Никольска, ездят на грузовиках даже. А деревенские люди (колхозники), на чьей земле ягоды, за ягодами не ходят, нельзя, а раньше за всем успевали. Они теперь остаются и без ягод, и почти без грибов. Райгородок, конечно, паразитический.

Рассказ о сгоревшем доме Михаила Петровича. Это о том, как человек всю жизнь искал счастья (хутор Мичуг, сселение, кузница, охота, лесозаготовки — стройка, промышленность, ремесло, перебежки из колхоза в колхоз — поиски мест, где не прижимают) и кончил тем, что сжег свой дом и себя в нем. Это и о Гармане (Николае Прокопьевиче), и о Михаиле Петровиче Горчакове. Жена Михаила Петровича Анна о муже:

— Жалеешь мужика?

— Да чего уж, все убить грозился.

— Значит, рада.

— Да какое уж там. Ни на что сил нет...

И на Бобришном Угоре над нами самолеты, как в Мичуринце, — и реактивные и АН-2. Есть ли дом на земле, который бы не служил ориентиром для летчиков.

10 августа. Утром на радио выступал председатель колхоза Берснев. Он всегда выступает под видом «объявлений»: «Вот и все мои объявления!», а говорит по полчаса, по часу. Видимо, так проще обходить цензурные установления. Это самые содержательные выступления, какие можно услышать по радио, по ним, по крайней мере, можно судить о жизни, о положении дел в колхозе. На этот раз: 1) Спасем урожай, он

богат. Принято решение правления «о повышении материальной заинтересованности в целях спасения урожая» (в основном для механизаторов). 2) Горохи разворовали уже наполовину. В Пермесе, в Березове носят корзинами. Штрафовать по десятке, не меньше, за каждую поимку. 3) Убирать и рожь, и лен, и горохи — все сразу. Выходить по утрам на поле «как штык». <...>

Комариный писк в бору. Нудят, зудят. День еще, и я умру, не перетерпеть. Уж кусал бы сразу, нет, он нудит, зудит над ухом... Лучше мне гореть в аду, чем на земле такое терпеть. Тело горит.

Год поступления дочки в институт, нашей старшей дочки. Какой был труд, и немалый труд... А я в тот год не написал ни строчки. А я весь год переживал похмелье после знаменитой свадьбы.

В лесах не стало малины, малинников, потому что не рубят новины, не жгут лес.

Федор Абрамов пишет письма, собирается приехать в Блудново. Уже без Коничева. Ждем. Последняя телеграмма: «Выехал 15-го. Абрамов». О том, что поедет через Шарью, телеграмма уже была. Я ответил: «Очень жду. Лучше через Шарью».

15 августа. Санька наварила пива. 14-го вечером приехал верхом Васютка и пришла Анна прямо на Бобришный Угор. Поздно собрались все «гости»: Санька, Васютка, мама, Александр Васильевич.

16 августа. В пятницу проводили скочковцев до Куданги. Васютка и Анна ехали на резиновой лодке. Анна сидела с ужасом и, конечно, не испытывала того удовольствия, которое мы хотели ей предоставить,— просто подчинилась неволе, несла свой крест. Так же когда-то моя мать ездила с нами в Крым, в Коктебель и думала только о том, что у нее дома картошка не выкопана.

17 августа. Суббота. Приехал Абрамов Федор Александрович. Мы долго его ждали, затем ушли за грибами за реку. Нашли много белых, на бору — барсучьи норы («язвик» — барсук), Клюшка и булава, или палица, для Льва Толстого — поставили ему под портреты (у нас репинский и нестеровский). Возвращались с Дресвы и уже перекликались с Абрамовым. Его привез какой-то шофер от парткома.

Ноги у него «подкованные» целы, только ранены. Ходить может. Знакомимся. Лицо жесткое. В характере что-то от Грибачева. Пряма в суждениях и резок, как я. Почти во всем сходимся.

21 августа. Приехали Фролов и Вася Оботуров. Ночевали на Бобришном Угоре все. Поход на Кудангский мыс. До этого охота на озере с Абрамовым и Мишей. Видимо, у Абрамова счастливый глаз: я убил четырех уток влет на 4 выстрела. Затем 3-х за рекой против Рябинового мыса. Итого семь уток за день.

22 августа. Абрамова уговорил остаться и съездить на медведя. В тот же день выехали в Шири через Пермас на машине Каплина втроем. В Ширих ночевали у учителя Владимира Ивановича. Он рассказывал, как читал вслух «Вологодскую свадьбу» всей деревне — против нее никто не выступал.

23 августа. Пешком в Гороховский починок. Километров 5—6 лесом. На дороге свежие следы медведя. Сидели на лабазах. Мы с Абрамовым близко друг от друга, Каплин ушел дальше. Овсяное поле огромное. В Гороховском починке раньше было кажется 20-22 дома. Сейчас никого. Стоят три полуразрушенных избы (одна из них — пятистенок). Медведям ходить просторно, не то что па лесной пашенке. Я сидел на чужом лабазе между двух елей, очень высоко. Кроме нас, вокруг поля сидели еще пять охотников с лесозаготовительной базы Березово. Они сидят каждую ночь, наивно полагая, что медведи в конце концов *проголодаются* и выйдут на овес, как будто, кроме овса, им есть нечего. Все несерьезно.

Ночевали в одной из заброшенных изб. Печей нет ни в одной. Набросано много сена, сделаны нары — видимо, колхозники из Ширей (поля и сенокосы эти они еще поддерживают, но скоро бросят все и здесь, около своей деревни многие поля уже зарастают). Гороховский починок, как и Обуховский и Овинницы и многие другие деревни, опустел, когда стали заставлять людей селиться, переезжать в Шири. Абрамов вначале считал, что в этих починках было по 2-3 дома, и соглашался с тем, что их хотели селить. Сейчас все понял. Это было нечто вроде нового раскулачивания (1956 г.), народ лишали родины своей. Один полковник приезжал недавно, чтоб взглянуть на свой дом (пятистенок, доставшийся ему по наследству), и больше уже не появится. Слезы, горе!

Для «Бабы Яги». Гороховский починок — кончинок. Печи глинобитные разрушены. Приезжие охотники (на Сладком острове рыбаки) сожгли простенки, проемы такие, будто для итальянских окон. Карнизы ободраны, из досок связаны столик у костра и скамьи. На рябине ребяташки устроили лабаз, играют в охоту на медведя. На улицах следы костров — пепелища, огнища. Сожгли и крыльцо. Утром туман в самой деревне, как над речкой,

24 августа. Пешком от Гороховского починка в Шири, затем в Блудново. Абрамов вечером уехал с Каплиным в Никольск, завтра полетит в Шарью.

Слушал «Теркина на том свете» в чтении автора по радио. Появление этой поэмы в «Известиях» <...> послужило предметом многих наших разговоров с Абрамовым, Прочли мы ее в пути Никольск — Шири.

28 августа. Успенев день. Со мной Саня. Утром снова вышел на рябчиков. Одного убил. Сходил за грибами, принес корзину.

Для очерка. Смакую родные слова, красоту которых в детстве не чувствовал. Это названия деревень, речек, сенокосов, лесных волоков: Лубники, Городцы, Вязовики, Субори, Бобрехи, Хмелевка, Смирязиха. Это речки: Куданга, Анданга, Талица, Ногуля. Деревни: Осиново, Липово, Дворищи, Шири, Малиновка, Овинницы...

В деревне стали знать свой возраст, потому что пенсии ждут. После пенсии опять не считают годов.

Высокий берег в райгородке. Кажется, оттуда все видно: когда где сеять, косить, жать... Гляди и руководи. Но районные градоначальники никогда не поднимались «а этот высокий берег, зазорным считали.

Двор есть, только еще небом крыт.

Для очерка о поэзии труда. Я как-то не задумывался раньше, почему наши северные крестьяне, работая па солнце по целым дням, не любят загорать, не открывают тела. Я удивлялся, что даже в жару женщины и девушки остаются в своих неизменных парочках. Все закрыто, грудь, ноги, даже лицо, нависающим на лоб платком. Сейчас понял: это защита от оводов, от комаров и мошек.

Рожает в перекладинку: сын — дочь, сын — дочь.

У Любы уже 8 детей, а Берсенев все орет на нее и даже по радио: «Лодырь, трудоней мало заработала, опять вчера дома сидела». Никакой бабушки или няни у Любы нет.

Сон стариковский короток. День длинен. Сон все короче, сны все тревожней. Жить осталось так мало.

10 сентября. Спугнул у заезка напротив бывшей пасеки большую стаю крупных уток. Не перелетные ли уже?

Днем делал все, чтобы не сесть за стол писать. Ушел за реку за грибами и с ружьем. Грибов мало, охоты никакой.

В 6 часов вечера над моей избой прокричала и прошла огромным треугольником первая (я видел первую) стая журавлей (штук 70). Смотрел в бинокль. Путем-дорогой, родные мои!

12 сентября. С 9 часов утра до 4-х дня с Павлом были в Большом бору, принесли по ноше груздей (пестерь и корзина). Белые большие грибы-сухари называются скрипунами. Очень приятно собирать грузди. Завтра опять пойду. Начистили два ведра с верхом.

На ветви ели уселись краснозобые птички (снегири?), вытянули шейки, и елка засияла, словно на ней свечки зажгли.

13 сентября. В 8 часов утра вышли опять за груздями на Большой бор. (Есть еще где-то Гладкий бор и Чистый бор на реке.) Это занятие ныне для меня гораздо увлекательнее, чем сидеть за столом писать. Да любое дело лучше — только бы не писать. Но я все еще надеюсь, что это пройдет.

14 сентября. Опять летели журавли либо гуси, В деревне все семьи копают картошку на участках, спешат друг перед другом. Оказывается, это большая забота — картошку выкопать (виложками). Колхозные страдные работы подошли к концу. Осталось лишь выкопать колхозную картошку — 14 га. Да лен со стлищ собрать,

Павел рассказал, что как-то (в прошлом году?) колхозную картошку копали машиной. Она только выбрасывает клубни, раскидывает сильно и много снова зарывает. Потом старухи стали перекапывать для себя. Прибежал председатель Берсенева, картошку отобрал, виложки раскидал. Еще раз пропахали все на лошадях или трактором.

15 сентября. С Павлом Ивановичем ходил за реку за грибами. Павел любит задавать мудреные вопросы. «Вы мне скажите, камни растут или с неба падают?» Я молчу. Он поясняет: «На полях собирают чуть не каждый год, а камни опять появляются». Я рассказал о понижении почвы. Новый вопрос: «Всю жизнь живу, не видал, как журавли весной летят на север, только осенью — на юг. Что это такое, можете вы мне объяснить». Я не смог. Про колхозное сено в стогах он говорит: «Сено как чай!» — что значит: хорошее, зеленое, запашистое.

16 сентября. Готовлюсь к отъезду в Москву. Сходил в последний раз на Бобришный Угор. Уток на озере опять не оказалось, словно улетели все. На юг для них еще рано бы. Дрова из поленицы я так и не перенес в сени, дождит. Пишу «Лауреата». Застопорилось: писать ли о писателе, т. е. как исповедь, либо давать ему другую профессию. Послал письмо Абрамову об этом.

18 сентября. В Москву. Везу ведро груздей и сушеных грибов порядочно.

Какую-то вещь я хотел начинать с зарисовок природы, вроде дневниковых записей кого-то: паутина на ивовых кустах над рекой как леска... журавли летят... Забыл какую? Вероятно, о доме на Бобришном Угоре.

К «Лауреату». Прочитать дневник 1949-50 гг. Какое время года? Дневник поездки в Блудново на «Победу».

Инженер сталкивается с писателем-лакировщиком.

20 сентября. Весь день сидел, но не писал, а читал дневники для работы над «Лауреатом».

Названия: В интересах трудящихся — «Перед праздником» (ремонт дома, лифта, вода пошла). «До поры до времени» — до поры до времени — был хлеб, но все шло к тому, что его не будет. Блудновский шофер Вася пил «до поры до времени». Его спаивали «до поры до времени», потом все отвернулись от него.

Не дают косить траву для своих коров, и, конечно, люди вынуждены больше скармливать хлеба скоту.

15 октября. Все еще осень, и сравнительно сухая. Листопад такой обильный, что на сапогах мы вносим в дом (на даче) ныне только листья и листья. А в другие годы одну грязь.

17 октября. Перечитал «Вокруг да около». Очень сильно. Напишу письмо Абрамову.

2 ноября. Работа писателя — это прежде всего работа воображения, а оно с годами слабеет. Значит, нельзя терять время. <...> То, что время мое приходит, я уже не сомневаюсь. И наверно, все к лучшему. Очень уж моя жизнь стала тяжелой, безрадостной, особенно в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть и ни с чем не могу примириться.

Талантливым людям жить тяжело и страшно.

28 ноября. Слышу голос птицы, а еще не вижу ее. Не вижу птицы, по уже могу писать о ней. А лучше, если увижу, пойму, почувствую больше, поговорю с ней.

Для стихов. Нет правды и полуправды. Правды большой и правды маленькой. Все складывается из маленьких правд. Неправда тоже правда, раз она существует.

Люди живут в городах и тоскуют по земле, по природе. Ставят в комнате цветы, жалкие подобия полевых, разбивают газоны под окнами на асфальте. Подражают... Сохраняют в памяти... Тщатся сберечь в душе... А человек должен жить в лесу, в поле, на реке.

Умри, внутренний редактор, иначе я ничего не напишу. Меня интересует только внутреннее «я».

18 декабря. Кисловодск. Встретим Новый год на горе, на высокой, на вершине.

1964 ГОД

4 января.

Такая гора,
Хоть кричи «ура!»,
Хоть песни пой

Над отвесной тропой.
Идем все выше,
Дышать все легче,
И вот я забрался
Кавказу на плечи.
Стою как на крыше,
И мне хорошо.
А как я шел —
Почти задыхался,

Теперь валидол
Ни к чему оказался...
А уже сам себе старым казался.

**Орлам тяжело внизу.
Там они кажутся больными и старыми.**

14 января. У родичей моих не велика цель жизни— прокормить корову, прокормить себя. Все летние заботы их сводятся к заготовке кормов. Писатель не может думать только о своей корове.

Для прозы. Снова думаю о том, что надо бы записывать кратко, концептивно на отдельных карточках биографии интересных встреченных мною людей либо случаи из их жизни. Это краткие жизнеописания или сюжеты рассказов.

Схороните меня на Бобришном Угоре...

1 (февраля). Москва. Вышла книжка «Сирота». Это моя первая прозаическая книжка.

26 февраля. Для стихов. Жестокая двуликая эпоха, Два лагеря, два мира — их и наш. Порядочность и подлость, бесчестье. Есть относительность и абсолютность, продажность и неподкупность, безбожие и вера, смех и грех (но доступно это и понятно не для всех). Есть простодушие и преступность. Есть простота и подлость, продажность, неподкупность и коррупция, растление, перерождение. Есть мир и антимир... Как хорошо в лесу.

15 августа. Для памяти. Смысл прозы о «Бобришном Угоре» в том, чтобы дать разные характеры современных крестьян, жителей деревни, приспособившихся к нынешним условиям жизни. Все они хитрят по-своему, выгадывают, как и где зашибить на семью и чтобы не рабоботать зазря в колхозе. Печник (все исчезло в доме после него). Александр Павлович — столяр из Пермаса, Начать с характера председателя колхоза — с ним первая охота, никаких законов, он хозяин. Варианты договора. Характеры районных работников — «Поездим, попируем на этот Угор».

Грибы пошли. Слойми. И только поганки растут все лето, не признавая очередей (груздей).

30 августа. Завтра лететь в Архангельск.

Здравствуй, родина, что ты думаешь, чем живешь, Расскажи сынку, не таи, скажи.

3 сентября. Для стихов. Я тебя не узнаю, город мой родной. Как замороженный стою над Двиной. Волнуюсь, будто на свидании. Первая моя любовь, Родина моя, Родина моих стихов. Изъездил всю страну, много увидел, а то, что было рядом, все как-то не доходило до меня, Не видались 10 лет. Вам, живущим здесь, не понять меня.

30 ноября. Боткинская. Под крутизной Бобришного Угора Юг-река под прямым углом поворачивает на запад. В темной этой излучине постоянно ходят воронки, глубина казалась непостижимой, дно черным и странным. Да и есть ли оно здесь? Где же и водиться чертям, как не в таком омуте?

Все мои воспоминания о раннем детстве связаны с Бобришным Угором. В омуте, конечно, никто никогда не купался, а мы, ребятня, даже близко к нему подходить не решались, но сам Угор был излюбленным местом наших сборищ.

Если смотреть на Бобришный Угор со стороны реки, видна на нем среди кустов и сосен почти отвесная песчаная полоса желто-красного цвета. Это мы съезжали с Угора вниз, продирая штаны, у кого они были, а то до крови царапая собственное то самое место. Съезжали смело, с разбегу, вместе с потоками сухого песку и гальки. Мы драли штаны, а дома матери драли нас, но на любви нашей к Бобришному Угору это никак не сказывалось.

Если же стоять на Бобришном Угоре лицом на юг и смотреть с него вниз и вдаль, то перед глазами, прямо на вас, как бы к вам под ноги текла река откуда-то издалека, из таинственных лугов и лесов на горизонте, и вправо, на запад уходила река, к полям, к Куданге, к Переволокам и Бадаихам (это все названия сенокосов), а слева было озеро Старица — во всю извилистую длину старого русла Юг-реки (Смиряжиха).

Ранней весной, когда речные ивняки и леса еще не густели от зелени, даль просматривалась необозримая, и озера, и русло реки со всеми его поворотами видно было на многие километры, и даже заречные луга были как на ладони, и до деревни Липово казалось рукой подать. То же самое — осенью, когда опадала листва, и лес так же свертывался, редел, словно его сквозняком продували.

А летом река пряталась в густых прибрежных зарослях, да и мелела к тому же, словно в землю уходила, и лес раздавался во все стороны — густой, непроходимый.

1965 ГОД

24 января. Кисловодск. «Бобришный Угор». Павел Иванович — деревенский мудрец, пытливый ум. — Откуда взялись камни? Растут ли они? — Начинает от камней и доходит до вопросов о сути жизни, о правде, а справедливости, о колхозах. <...>

7 февраля. «Лауреат». А как писалась лауреатская вещь? Ходил пешком по родной земле — поэма в рюкзаке, но прибавлял в нее на ос-

тановках (в Тарноге, напр.) совсем не о том, что видел. Жизнь как бы текла мимо меня, хотя считалось, что я собираю материал для новой книги. Видел же я, как гибло древнерусское искусство (икона — лопата), кружевные промыслы, как сельэлектрo разоряло колхозы, строя гидро-станции, которые тут же разваливались. Но вот остановились в Доме колхозника, и я переключался: садился за стол и писал выдуманное — «Я на Кокшеньге-реке жил как в сказочном мире...» И вдруг впервые в жизни задал себе вопроса что есть искусство? Ну прямо Лев Толстой, да и только. Помню, как я в школе, защитив от оскорблений Толю-булочку, испытал впервые в жизни радость за себя, счастье стоять за други своя.

Держите высоту.
Когда ее набрали.
За вечных льдов черту
Не все шагнуть держали.
На этой высоте,
Когда взялись за дело,
Держите в чистоте
И душу вы, и тело.

5 мая. Переделкино. « Б о б р ш н ы й У г о р » . Когда вставили косяки в проемы окон, показалось, будто картины по избе развесили. Семь окон — семь картин, И все разные. Можно сказать, все направления в живописи были представлены. В этой раме, конечно, реализм чистой воды, Левитан. Изгиб реки, берега, заросшие ивняком, тонкие рябинки чуть поодаль от сверкающей на солнце воды, небо близкое и теплое. Хочется взять удочку и спуститься к заводу, попытать счастья, Левее Шишкин. Сосны в глубине леса, за изгородью, могучие вершины, освещенные сверху и с боков. Там где-то рябчики летают. Медведей вообразить трудно, места здесь не такие глухие. А можно и по-другому все увидеть: каждая сосна вроде высокой кирпичной трубы с зелеными клубами дыма над ней. Впервые так увидел сосновый лес поэт Александр Романов, и я уже не могу, избавиться от этого образа, повторяю его и жалею только, что присвоить не могу, что сам я такого не разглядел. Зато, прочитав эти строчки в стихах Саши Романова, тогда еще совсем молодого паренька, я сразу почувствовал, что имею дело с подлинным поэтом. И мне это приятно: значит, и мне доступно понимание истинной поэзии.

В следующем окне что-то есть от импрессионизма Ван Гога. Густые мазки зелени и синевы, листьев и неба, земли и воздуха. И все это переливается, подрагивает, течет... Хорошо!

А в этой раме, если хотите, настоящий абстракционизм, только не мертвый, не бесталанный, не плод кабинетных измышлений и конс-

труирований, а тоже рожденный природой, вызванный к жизни самой жизнью и нашим пытливым воображением. Переплетение голых сухих сучьев, тонких прямых и ломаных линий, соединение геометрии с современной архитектурой, прозрачного стекла и белого сверкающего металла, высоты и пространства — и все это рядом с окном, во всю его ширину. В геометрические очертания ветвей вставлены всевозможные цветные материалы дня: белый пластик, плитки глазури, врубелевское стекло. Всматривайся и создавай для себя любые картины, любые видения, мечтай, рисуй!

Какому дураку пришло в голову сражаться с абстракционизмом в искусстве! Ради чего это делается, во имя чего? В свое время кто-то сказал о творениях Шостаковича, что это сундук вместо музыки. Как обрадовались этому все глуповские градоначальники, неучи, облеченные властью. Но разве можно остановить движение живого чувства, мысли, творческое развитие человеческого гения. Ведь и кибернетика не мистика и телепатия не измышление мракобесов. С этим пришлось наконец согласиться всем.

21 ноября. «В Скочкове». А мне такое заточенье в глуши лесов, снегов дороже славы и наград— ни униженья, ни оскорбленья, ни гоненья. Здесь ни казенную квартиру, ни дополнительный пайком я не обязан никому. Я тут всегда в своем доме, в своем лесу. Здесь родина моя.

30 ноября. Странную жадность на бумагу испытываю я. Мне, кажется, никогда не будет ее достаточно. Причем, когда появляется бумага хорошая, я откладываю ее, стараюсь использовать сначала всю ту, что похуже. И сколько бы ни скопилось бумаги, все стараюсь достать еще — купить либо выпросить у кого-нибудь. И обязательно экономлю, пишу убористо и часто на обеих сторонах листа.

А. ЯШИН. СТИХОТВОРЕНИЯ

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором.

В получасе шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пустынь.
Не в пристань,
Лежебокам на зависть,—
В Чистый бор, как на приступ.
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье.
Недоступное людям.

Буду схож с Змеедом:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди —
Угощу сочиненьем.

На Бобришном Угоре
Воздух свеж, будто в море
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым поглядом
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

ЛЕСНЫЕ ДУГИ

О эти дуги над дорогой
В краю синиц.
В краю клестов,
В краю снегов!
Их очень много.
Как над Москвой-рекой мостов.

Нет, не медведи дуги гнули,
Не леший,
Не лесовики.
Мороз стоял на карауле,
Лес обряжая в башлыки.

И ветер дул,
И по неделе,
Ворвавшись в строй молодняка,
Свистя, матерые метели
С землей месили облака.

И как под тяжестью Вселенной,
От напряжения белы,
То постепенно.
То мгновенно
Сгибались тонкие стволы.

Когда ж стихали шум и вьюга
Лес был неистово красив.
Все дива севера и юга
В себе одном соединив.

Казалось, под давлением света
Свисали ветви сосен вниз.
Вершины елей, как ракеты
Под небом праздничным, рвались.

И всюду дуги. дуги, дуги —
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь —
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.

И всюду ходы, переходы.
Валы и рвы зимы самой...

Ия —
Сам Бог и царь природы —
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный.
Немой.

1962

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосенок, елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —
Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник —
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге все, как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...
Льжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой
С пикой былинный витязь.
По деревцам постукиваю:
— Выпрямитесь!
Разогнитесь!

1962

ВЕК НЕ ТОТ

Тот же дом под старой крышей,
Под окошком тот же снег,
Так же много ребятишек.
То же поле,
Тот же век.

Та же зыбка у печурки
С рычагом под потолком,

И слюнявые окурки
В мусоре под голиком.

Все обычаи живучи.
Так же пышет печь теплом,
Так же сушатся онучи
На жерди перед челом.

И мои онучи сохли
Точно так же.
Жизнь как жизнь:
И клопы не передохли,
И сверчки не извелись.

Но, увидевшись впервые,
Мы с ровесником моим
Все проблемы мировые
За ночь переворошим.

Судим-рядим до рассвета
О последних новостях,
О космических ракетах,
Без конца — о запчастях.

А потом в колхозном клубе
Ночь проспори́м не одну
О Китае и о Кубе,
О Лумумбе и У Ну...

Те же избы,
Те же печи,
Так же полон рот забот,
Но совсем иные речи:
Век не тот,
Не тот народ!

1962

ОГОНЕК

Светлячок во мгле —
Огонек в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка —
Сестра
Нашей земли?

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,
Но горит впереди
Огонек,
огонек —
Свет в моей груди.

1962

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок.
Вырос в бору сосновом
Среди лесных дорог
Терем-теремок —
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Желоб для водостока,
Даже конек налицо.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши.

Большого в жизни не надо —
Только сиди
Пиши. * \

Летчик нанес на карту
Новый ориентир...
Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать.
С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
— Всё в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

СПАСИБО СОЛНЦУ!

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждой образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле —
и все на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
еще не просохшие от росы.
развернулись, будто солнечные кокошники.

Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заиграла радуга.

У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух — солнце,
кружевная паутина — солнце.
Даже старый глухарь,
распустив хвост,
выдавал себя за восходящее светило.
Кому же и поклоняться в этом мире,
как не Яриле-солнцу?

И я,
выйдя из своего охотничьего домика
на Бобришном Угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
— Нет, человек произошел не от обезьяны
Мне хорошо с тобой, солнце. (
Спасибо тебе!

1963

СЛУГА СВОЕГО НАРОДА

12 июня 2012 года, в день России Государственные премии получили 17 выдающихся тружеников страны. Все они в труднейшие 60-е годы, занимались своим любимым делом и верили в великую Россию. Ученые разных профессий работали по зову сердца над разными проектами на полном энтузиазме. Терпение и вера в свое главное дело, преданность ему и служение Отечеству завершилось, у каждого из семнадцати, победой.

«Алмазный фонд России — это культура» — писал Д.Лихачев. Мастера культуры поставили перед собой задачу: сохранить музеи-заповедники, территорию вокруг них, сохранить подлинность уникальных российских городов и сёл. В селе Вятское, что в 30-ти километрах от Ярославля, второй год проводятся народные праздники («Русского венка» в 2012).

На награждении особенно был отмечен проект создания телеканала «Культура» «Мы солдаты этого уникального телеканала» — Звучали слова из уст руководителя канала, одного из лучших в Европе. Даже 5 моих учеников, членов клуба «Земляки», в 90-летие А.Яшина читали лучшие стихи поэта на всю страну и мир на этом канале.

Вот вам и Никольск!

А Александр Яшин говорит:

А мне Москва нелегко далась.
Из тундры в берестяных сапогах
Я шел пешком в осеннюю грязь
К её святым берегам...
1947 год.

* * *

Поэзия! Вряд ли припомню.
Когда это всё началось.
Поэзия! Как нелегко мне
В голодной деревне жилось.
1958 год.

* * *

Да, я не продаюсь, не покупаюсь:
Весь плоть от плоти сын своей земли —
И разве мы, под танками взрываясь,
Самосожженцев осуждать могли?

* * *

— На Колыму?.. — Давай на Колыму!
— Или в Норильск?.. Да хоть в огонь и в воду!
Одно лишь твердо надо знать ему:
Что будет польза от того народу.
1958 год.

* * *

За всё отвечать настала пора:
За то, что когда-то я промолчал,
За то, что кричал во весь рот ура,
А караул не кричал. 1958 год.

Безудержное хвастовство и ложь —
А разве это не одно и то ж?
1959 год.

* * *

Много планет, а Земля одна,
Солнце — одно навеки.
Только одна на всю жизнь дана
Родина человеку.
1959 год.

* * *

Всё во имя совести, всё во имя чести,
Всё — от первой повести до последней песни.
1963 год.

А в 1967 году А.Яшин пишет:
«Мне верить надо В кого-то, во что-то, Чтоб жить без оглядок, Жить
без расчета.
Мне надо верить! Надо! Надо! В любые двери входить без доклада.
Мне неохота
С землей расставаться. По сердцу работа —Чего опасаться?
Я просто птица На тонкой ветке, Хоть тоже в зверинце И тоже в
клетке. Но все же птица, И мне с заземленьем Не примириться
Ни на мгновенье.

Сегодня страна готовится к 70-летию со Дня Победы в Великой
Отечественной войне. Перед нами, ветеранами России, стоит задача:

активно включаться в работу с молодым поколением, чаще встречаться с молодежью в школах, в других детских учреждениях. На первом месте должно стоять духовно-нравственное и патриотическое воспитание человека. Никольчанин Владимир Томилов, проживающий в Томске, мне пишет: «...недавно перечел «Рычаги» замечательного земляка Александра Яшина. Какой все-таки талантище! Тогда, в начале 60-тых, и выдать такую вещь!» Сегодня главный упор надо сделать на значимость литературного наследия Яшина. Поэт был настоящим полпредом в литературных кругах Вологды и Москвы. Его гражданское мужество в борьбе с литературными и околотитулярными чиновниками всегда вызывало восхищение и уважение благодарного читателя. Александр Яшин сумел передать народные истоки, народные корни культуры в большую русскую прозу и поэзию, оказывая пристальное внимание и поддержку молодым литераторам, самобытным авторам.

Он был первым, кто поднял духовное знамя вологодской писательской организации, видимое всей России! А поэзия и проза самого Яшина ярка и злободневна, как никогда. Именно никольчанам по интересам нашего времени необходимо создать настоящий, единый, добротный и широкого профиля музей Александра Яшина с двумя направлениями: историко-краеведческое и литературное.

Все это сделать на новой, современной основе (устав, кадровый подбор, финансирование). По Яшинской теме регулярно публиковать материалы местных и иногородних авторов. Литературное направление, не ограничиваясь Яшинской темой, должно в полной мере показывать произведения других талантливых земляков, работы литературных клубов и объединений. Благо в здании бывшего педтехникума, где учился будущий поэт, 27 марта.

2008 года прошла презентация «Литературно-просветительского яшинского центра «Земляки». Здесь и есть «Музей Слова», обласканный писательскими организациями.

Нам осталось сегодня лишь сохранить— как «память сердца» певца малой родины — Яшинский мемориал: «Никольск — Блудново — Бобришный Угор» А столетний юбилей Поэта отметить как живой, звучащий литературный праздник для всей России.

Муза Вячеславовна Береснева,

*Почетный гражданин города Никольска, создатель и бессменный
руководитель клуба «Земляки», учитель, краевед.*

Город Никольск.

13 июня 2012 года

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ

Александр Романов

«Яшин — отец вологодской литературы, создатель Вологодской писательской организации, тот великий человек, который сыграл в судьбе каждого из нас, взявшихся за перо, первостепенную роль.

НАША ЛЮБОВЬ К НЕМУ ВЕКОВЕЧНА!»

Александр Сушинов

«...он был Великим Прорабом Перестройки, её глашатаем. Жизненные, творческие, нравственные уроки Александра Яковлевича для нас, газетчиков, священны и никогда не забудутся. Если еще можно, то надо сохранить самобытность Никольского края, его быт, нравы, язык, природу от набегов варягов и христородавцев. Об этом всегда думал Поэт.

Пусть вечным будет Бобришный Угор — символ поэзии, красоты, любви к родине.

Низкий поклон, Александр Яковлевич!»

С. В. Башура, А. В. Кравченко

«И когда же, наконец, от лозунга “Все лучшее детям” мы перейдем к практическим делам, когда же во всех лучших зданиях города они будут хозяевами и с гордостью скажут: “За детство счастлирое наше — спасибо, родная страна!”?»

И придут ли в Никольский район перестройка и обновление? Или они останутся только словами в лозунгах, обещаниях, которых так много в городе. Если лозунги провозглашены, то их надо претворять в жизнь конкретными делами...

Хочется верить, что человек живет на земле, чтобы творить добро.»

Муза Береснева

«Наш знаменитый земляк Александр Яшин ещё в 19 лет стал председателем оргкомитета будущей писательской организации края. Ей уже идет 46-й год. Поэт оставался отцом «вологодского литературного цеха» до последних дней жизни. А.И. Солженицын в прощальном письме к А. Я. Яшину отметил, что его «Рычаги» кое-что повернули в нашем государстве.»

А. Павлов

«В специальном постановлении ЦК КПСС по роману Дудинцева «Не хлебом единым» и «Рычагам» Яшина было сказано о «непатриотичной» позиции авторов и о «клевете» на партию.

В это тяжелое время Александр Яковлевич пишет стихотворение «Орел», стихотворение-символ.

Считаю уместным привести его полностью:

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла,
А он,спокойно
Свой покинув камень,
Не оглянулся даже
На стрелка
И широкими кругами ушел
За облака.
Что? Может, дробь мелка?
Для перепелок, а не для орла?
Иль дрогнула рука стрелка
И покачнулся ствол дробовика?
Нет. Ни дробинки
Не скользнуло мимо.
И сердце и орлиное ранимо:
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

Но Яшин не упал. Он пишет стихи о совести, о чести, о правде. Пишет «Вологодскую свадьбу» и «Угощаю рябиной», один за другим вы-

ходят поэтические сборники: «Босиком по земле», «Бессонница», «День творения».

До конца дней Александр Яшин не сдал своих позиций в поэзии, в прозе, в публицистике, оставаясь верным принципам Правды, Добра, Чести и Справедливости.»

Валентина Старкова

«Тропинка к Яшину и его творчеству не зарастает, и у каждого времени намечаются свои открытия новых граней его талантливого слова, согретого дыханием прошлого времени, когда его необычность, непохожесть и одновременно типичность приоткрываются нынешнему поколению, которое может сказать: “Это же про нас, про то, что мы сейчас переживаем!”. Может, об этом же и вновь слова А. Твардовского: “Нет, все былые недомолвки домолвить нынче долг велит...”»

Вот, наверное, почему перечитывают Яшина, стараются понять, и не зря произносит такие слова писатель Сергей Алексеев: “Одного таланта Яшина хватило бы на всю (!) Западную Европу”. А у В. Белова сказано, что “именно с «Рычагов» началось возрождение нашей совести”. Есть и еще мнение (не помню, кто сказал), что в Яшине всегда сначала говорила совесть и только потом — художник.»

Женя Закирова

«Яшин был талантливым и необычным человеком. Я вообще заметила, что люди из глубинки добиваются большего, чем живущие в столице, своим трудолюбием и целеустремленностью. На фронт пошел добровольцем — это заслуживает уважения. Яшин был нашим земляком, нашей гордостью. Он любил свой дом, свою семью. Он был патриотом.»

Люда Водяницкая

«Мне очень понравилось его стихотворение “Назови меня именем светлым”. Я выучила его наизусть. Вообще-то нравится всеготворчес-

тво, особенно стихи о родине, природе, любви. Его творчество бессмертно и всегда актуально.»

Аня Пахолкова

«Был он человеком гениальным, а самое приятное — моим земляком. Из любых его стихотворений можно извлечь пользу: он много видел, знал, учил нас, как жить в трудное время, оставаясь при этом хорошим и добрым человеком.»

Оля Иванова

«Я люблю это стихотворение: “Спеши на выручку, других зови — Пусть не найдется душ глухих и жестких”. Без этого к чему слова любви о Родине, о речках, о березках?! Ведь правда, что оно о любви?»

Игнатий Белозерцев

«Его значение по достоинству... оценил в последнее время в печати, пожалуй, только А. И. Солженицын, назвав его имя в ряду предтечь грядущих изменений в жизни общества.

Хотелось бы, чтобы страна вспомнила, а молодое поколение открыло для себя этого верного сына русской земли и её непревзойдённого певца. Людям нужны не теоретические статьи, а именно стихи Яшина. Нужны, как чистый воздух наших северных лесов и полей.

В ряду публикаций современников, молодых поэтов, у нас всегда должно быть место и для высших достижений русской словесности и, может быть, в первую очередь сегодня — для стихов Александра Яшина. Ибо каждый из нас, сегодняшних, должен чувствовать и звёздное небо над головой, и отеческую землю под ногами.

Нет, подвиг Александра Яковлевича, а именно так он сам определял своё творчество, не был напрасен! Его произведения навсегда останутся неотъемлемой частью каждой русской души.»

Николай Парфёнов

«В большом ряду российских литераторов — своих современников, А. Яшин по праву занимает свое, строго определённое и почётное место. В развитии литературных процессов он не раз бывал первопроходцем (“Рычаги”, “Сирота”, “Вологодская свадьба”, литературные выступления перед читателями и в писательских организациях...). Его творчество выдержало испытание временем. Многие его поэтические и прозаические произведения современны и читаются с удивительным интересом. Ибо он всегда чувствовал назревшие проблемы в жизни общества и страны, горячо на них откликался.

Его честная и чётко обозначенная гражданская позиция снискала ему уважение передовой части российских читателей. Меня всегда восхищало его гражданское мужество в борьбе с литературным и околотературным чиновниками, да и с партийными “вождями”.

Очень ранимый, А.Яшин испытал немало превратностей и ударов судьбы, но не сломался. Яшин был настоящим полпредом в литературе и в Вологде, и в столичных сферах.

Злобная травля и груз тяжёлых переживаний, несомненно, помешали реализации многих творческих замыслов! Увы...

Думается, настало время всестороннего, целенаправленного и более глубокого изучения творческого наследия А.Я. Яшина.»

Юрий Малозёмов

Послесловие редактора

Работая с рукописью М.В.Берсеновой я, наконец-то, понял, что для нас Яшин. Подтверждаю, «Яшин — национальное достояние России».

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Яшин. ОРЁЛ.....	5
А. Яшин. БОБРИШНЫЙ УГОР. Из дневников 1958-1968 гг.	
1963 ГОД.....	7
1964 ГОД.....	22
1965 ГОД.....	24
А. Яшин. СТИХОТВОРЕНИЯ	
НА БОБРИШНОМ УГОРЕ.....	28
В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ.....	30
МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ.....	31
ЛЕСНЫЕ ДУГИ.....	32
ПОСЛЕ СНЕГОПАДА.....	33
ВЕК НЕ ТОТ.....	34
ОГОНЕК.....	36
ОБНОВА.....	37
ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ.....	38
ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА.....	39
СПАСИБО СОЛНЦУ!.....	40
Муза Береснева. СЛУГА СВОЕГО НАРОДА.....	43
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ.....	47

ОН ВИДЕЛ ЖИЗНЬ С БОБРИШНОГО УГОРА

Александр Яшин. Дневники 1958—1968 гг.

Стихотворения.

Воспоминания современников

Часть III

«Схороните меня на Бобришном Угоре»

Составитель — *М. В. Береснева*

Редактор — *Ю. П. Малозёмов*

Сдано в набор 10.07.2012. Подписано в печать 20.07.2012

Тираж: 300 экз.